

**ՎԱՆԻ ՀԱՅՈՒԹՅԱՆ 1918 Թ.
ՄԱՐՏՅԱՆ ՆԱՀԱՆՁԸ ՊԱՐՄԿԱՍՏԱՆ**

1917 թ. փետրվարյան հեղափոխությունը լուրջ փոփոխություններ է մտցնում Թուրքիայից գրաված Արևմտյան Հայաստանի կառավարման համակարգում: Հայ հասարակական-քաղաքական կազմակերպությունները ազատորեն գործելու հնարավորություն են ստանում: Ռուսական հրամանատարությունը սկսում է ավելի մեծ տեղ հատկացնել հայ բնակչության վերադարձին՝ դրա համար ստեղծելով հնարավորինս բարենպաստ պայմաններ: Փոխվում է վերաբերմունքը քրդական զանազան ցեղերի նկատմամբ: Վերջիններս այլևս չէին վայելում ռուսների անվերապահ հովանավորությունը:

1917 թ. մարտին, Վանում Կովկասի Հայոց բարեգործական ընկերության մասնաճյուղի շենքում տեղի է ունենում հասարակայնության ժողովը, որը ողջունում է Ռուսաստանում տեղի ունեցած փոփոխությունը: Կազմվում է ղեկավար մարմին, որի նախագահ է ընտրվում Համառուսաստանյան քաղաքների միության կովկասյան բաժանմունքի՝ Վանի լիազոր Կոստանդին Համբարձումյանը¹:

Հայության համար խիստ կարևոր էր ժամանակավոր կառավարության 1917 թ. ապրիլի 26-ին ընդունած որոշումը, որով Արևմտյան Հայաստանի ընդհանուր կամ գլխավոր կոմիսար է նշանակվում գեներալ Պ. Ավերյա-նովը, իսկ քաղաքացիական մասի օգնական՝ Յակով Զավրիևը (Հակոբ Զավրիյան):

Այդ ամենը հնարավորություն է տալիս ձեռնամուխ լինել ավերված տնտեսության վերականգնմանը: Բնակչությունն աստիճանաբար վերադառնում է հարազատ վայրերը: Վանում իրենց աշխատանքներն են վերսկսում հայկական բարեգործական ընկերությունները: Գարնանային գյուղատնտեսական աշխատանքներին նախապատրաստվելու համար Կովկասի հայոց գյուղատնտեսական և տնայնագործական ընկերության հրահանգիչ Արմենակ Մաքսապետյանը մեկնում է Բգդիք՝ գութանները և լծկան կենդանիները Վան տեղափոխելու համար²:

1917 թ. հուլիսի 21-ի դրությամբ, ռուսական կառավարությունը Արևմտյան Հայաստանը բաժանում է 19 օկրուգի: Վանի օկրուգը, որի մեջ են մտնում են նաև Սարայի, Բաշկալեի և Դիադինի օկրուգները, ենթարկվում են կոմիսար Կոստանդին Համբարձումյանին³: 1917 թ. հուլիսի 30-ի համարում Բաքվի «Արև» թերթը հաղորդում է, որ Կ. Համբարձումյանը համաձայնվել է վարել Վասպուրականի կոմիսարի պաշտոնը: Նրա նշանակումը ուրախությամբ է ընդունվել տեղի բնակչության կողմից: Նրանք Կ. Համբարձումյանին և նրա անձնակազմը աշխատանքին ծանոթ էին դեռևս 1915 թ. մայիս-հուլիս ամիսներին, Վանի նահանգապետության շրջանում և 1916 թ., երբ Կ. Համբարձումյանը Համառուսաստանյան քաղաքների միության Կովկասյան բաժանմունքի՝ Վանի լիազորն էր⁴: Բնչպես իր հուշերում նշում է Վ. Փափազյանը, «Ամենեն սիրուած ժողովրդական դեմքը Կոստին էր:

¹ Վասպուրական. Վան-Վասպուրականի ապրիլեան հերոսամարտի տասնեփինգամեակին առթիւ. 1915-1930, Վենետիկ-Ս. Ղազար, 1930, էջ 99:

² Աշխատանք, Ե., 14.VI.1917, N 13:

³ Հայաստանի ազգային արխիվ (այսուհետև՝ ՀԱԱ), ֆ. 1267, ց. 4, գ. 16, թ. 47-48:

⁴ Արև, Բազու, 30.VII.1917, N 157:

Վազմակերպչական տաղանդով օժտուած, խիստ մատչելի և մանավանդ հոգածու և պատրաստակամ այդ ընկերք, իրավամբ զգայուն հայր մը դարձած էր ժողովուրդին»⁵:

Կ. Համբարձումյանը ձեռնամուխ է լինում ասորիներին ևս ընդգրկելու շրջանային վարչության կազմում: Այդ նպատակով հրավիրվում է ասորիների շրջանային ժողով, որը Վանի շրջանային վարչությունում որպես ներկայացուցիչ ընտրում է Յունուսին⁶: Քայլեր են ձեռնարկվում քրդական զանազան ցեղախմբերի հետ բարիդրացիական հարաբերություններ հաստատելու համար: «Աւերակներու և դիակներու մէջ ուզեցինք մոռանալ երէկի արհաւիրքներն ու քիւրդի վայրագութիւնները և անոնց բարեկամութիւնը ձեռք բերել»⁷: Յավոք, քրդերը հիմնականում թշնամական դիրք բռնեցին հայերի, ասորիների և եգիպտացիների նկատմամբ և շարունակում էին հարձակումները խաղաղ բնակչության վրա:

1917 թ. հոկտեմբերյան հեղաշրջման հետևանքով ռազմաքաղաքական իրադրությունը խիստ սրվում է: Ռուս-թուրքական ռազմաճակատը սկսում են զանգվածաբար լքել ռուսական Կովկասյան բանակի զորքերը: Ազատագրված Արևմտյան Հայաստանում տեղական իշխանությունն անցնում է հայերի ձեռքը: Նրանք սկսում են կազմավորել տեղական վարչական իշխանությունը: Բնակչության թիվը Վանում և նահանգում կազմում էր 25425 հոգի⁸: Բարենպաստ պայմանների դեպքում նախատեսվում էր բնակչության թվաքանակը հասցնել հիսուն հազարի⁹: Այդ նպատակով կազմակերպվում է համապատասխան օգնության առաքումը. «Գութանի և լծկանի հետ հիւսն ու երկաթագործ վարպետներ մեկնեցան գիւղեր, ուրագի և մուրձի ձայները լսելի դարձնելու համար: Ասոնց հետ մեկնեցան արհեստատրներ, խանութպաններ, այգեգործներ, նաև զանազան պաշտօնեաներ, ուսուցիչներ, բժիշկներ, հիւանդապահներ և այլն»¹⁰:

Վասպուրականում կազմակերպվում է հայկական իշխանություն: Փաստորեն, վերականգնվում է 1915 թ. մայիս-հուլիս ամիսներին Արամ Մանուկյանի ղեկավարությամբ հիմնված իշխանությունը: Այս անգամ ևս Վասպուրականի իշխանության կազմում բացառապես հայեր էին,

1. Կոստի Համբարձումյան՝ նախագահ և արտաքին հարաբերությունների վարիչ,
2. Հմայակ Մանուկյան՝ ներքին գործերի վարիչ,
3. Գրիգոր Բուլդարացի՝ զինվորական գործերի վարիչ,
4. Մամուել Մեսրոպյան՝ ելևմտական գործերի վարիչ,
5. Բժիշկ Ն. Տեր-Թովմասյան՝ առողջապահական-բժշկական գործերի վարիչ,
6. Զավեն Կորկոտյան՝ խնամատարության գործերի վարիչ,
7. Արմենակ Մաքսապետյան՝ գյուղատնտեսական գործերի վարիչ¹¹:

⁵ Փափագեան Վահան, Իմ Յուշերը, հ. երկրորդ, Պէրուլթ, 1952, էջ 427:

⁶ Աշխատանք, 21.VI.1917, N 15:

⁷ Վասպուրական, էջ 103:

⁸ Աշխատանք, 28.X.1917, N 50:

⁹ Վասպուրական, էջ 102:

¹⁰ Նույն տեղում:

¹¹ Վան-Վասպուրականի հերոսամարտը-75 (Ժողովածու), կազմող՝ Հ. Դ. Փափագեան, Ե., 1990, էջ 116:

Հետագայում կառավարման մարմինն մասնակցում են Հայրապետ Հովհաննիսյանը (նախագահի տեղակալ) և Յակով Զավրիկը (փոստ-հաղորդակցության վարիչ)¹²:

Վանի Այգեստան թաղամասի տներից մեկը վերանորոգվում և դառնում է նորաստեղծ իշխանության վարչական կենտրոնը:

Մկսում են բացվել դպրոցներ: Ընդհանուր առմամբ, 1916 թ. վերջերից մինչև 1917 թ. մայիս Վանի նահանգում գործել են ինը դպրոց՝ 876 աշակերտով: Նշված թիվը տարբեր պատճառներով հասել է մինչև 465-ի, իսկ ուսուցիչների թվաքանակը եղել է 25¹³: 1917 թ. ընթացքում Վասպուրականում արդեն գործում էին 18 տարրական ուսումնական հաստատություններ¹⁴:

Հայկական իշխանությունն ուներ ոչ միայն գործադիր, այլև օրենսդիր լիազորություններ: Հայ դեկավարությունը, հաշվի առնելով ռազմաճակատի մոտիկությունը, քրդական զանազան խմբավորումների հարձակումների վտանգը, ինչպես նաև նահանգի ավերված վիճակը և քայքայված տնտեսությունը, հարկադրված է լինում ընդունել մի շարք օրենքներ: Առաջին հերթին սեփականացվում է նահանգում գործող բոլոր ընկերությունների և ռուսական գործերի թողած ողջ գույքը: Արգելվում է մարդկանց և կարևոր նշանակություն ունեցող ապրանքների դուրս գալը նահանգից: Բռնագրավվում են փոխադրական բոլոր միջոցները: Ձենք կրելու համար անհրաժեշտ էր ստանալ իշխանությունների թույլտվությունը: 20-35 տարեկանները համարվում են զինվորագրված: Կազմակերպվում է ռուսականություն, որին հանձնարարվում է հսկել ներքին կարգուկանոնը: Քանի որ ռուսականները չունեին համագգեստ, նրանք կրում էին «Վ. Ի.» («Վանի իշխանություն») թևկապը:

Տեղական երիտասարդությունից կազմակերպվում է միլիցիա՝ աշխարհագոր: Վերջինս սկսում է հսկողության տակ պահել Բզդիր-Օրգով ճանապարհը, որտեղով անցնում էր Վան և Ալաշկերտ վերադարձող գաղթականությունը: Այդ ճանապարհով էր ուղարկվում անհրաժեշտ օգնությունը:

Բնակչությանը զինելու և թուրք-քրդական հարձակումներից պաշտպանվելու համար Կ. Համբարձումյանի խնդրանքով, Ազգային խորհուրդը Թիֆլիսից ուղարկում է 1500 միավոր զենք¹⁵:

1917 թ. հուլիսի 17-ին կարկառու Եղիշե Գալստյանի գլխավորությամբ ստեղծվում է 15 հոգուց կազմված զինված խումբ: Որպես խմբագետ՝ Ե. Գալստյանին տրվում է ամսական 120, իսկ մյուսներին՝ 80 ռուբլի աշխատավարձ:

Բացի ճանապարհը հսկելուց, խումբը շարաթը երկու կամ երեք անգամ ուղեկցում էր Բզդիր մեկնող և այստեղից վերադարձող մարդկանց: Հայրենի օջախներ վերադարձող գաղթականների օրեցօր ավելացող քանակը հարկադրում է ավելացնել նաև պահակախմբի թվաքանակը¹⁶:

Դրամի բացակայությունը իշխանություններին ստիպում է շրջանառության մեջ դնել սեփական դրամանիշը՝ 1-ից մինչև 50 ռուբլի արժողությամբ: Ինչպես վկայում է Օնիկ Մխիթարյանը, «Մեր թղթադրամը անգիծ մի թուղթ էր՝ ձևով քառակուսի խմորատիպ... որոնց

¹² Վասպուրական, էջ 106:

¹³ ՀԱՍ, ֆ. 28, ց. 1, գ. 1083, թ. 8 շրջ.:

¹⁴ Վասպուրական, էջ 103:

¹⁵ Ազատամարտ, Թիֆլիս, 23.XII.1917, N 54:

¹⁶ Աշխատանք, 8.XI.1917, N 53:

տակ ստորագրած էին իշխանության նախագահ Կ. Համբարձումյանը, Ջինվորական գործերու վարիչ Գ. Բուլդարացին և Ելնմտից վարիչ Ս. Մեսրոպյանը: Վերջինիս անունով մեր դրամը կոչվեցավ «Մամվել փուլի (Մամվելի փող - Ս. Ռ.)»¹⁷:

1917 թ. դեկտեմբերի 3-ին, ռուսական զորքերի վերջին ստորաբաժանումների հեռանալուց հետո¹⁸ ռազմաճակատի պաշտպանությունն իրականացնում էին հայկական ուժերը: Գր. Բուլդարացու հրամանով, հարավային ճակատի երկու տեղամասերի պաշտպանությունը հանձնարարվում է Լևոն Շադոյանին և Տիգրան Բաղդասարյանին: Առաջինը ղեկավարելու էր Ոստանի, իսկ երկրորդը՝ Միարկա Գեալի ճակատների պաշտպանությունը: Իսկ հյուսիսային տեղամասի պաշտպանությունն իրականացնում էր Հայկական 5-րդ հրաձգային գնդի ստորաբաժանումը՝ սպա Միշա (Միքայել) Գասպարյանի հրամանատարության ներքո: Մինչև 1918 թ. մարտի սկիզբը 5-րդ գունդը պաշտպանում էր Ոստանի դիրքերը: Մակայն գնդի մարտիկների շրջանում «տուն վերադառնալու» ցանկություն առաջացավ:

Իշխանությունը շտապ կազմակերպում է 19-35 տարեկանների զորահավաք: Հիմնվում է Ջինվորական խորհուրդ¹⁹: 1918 թ. հունվարին կազմավորվում է երկու գունդ՝ երկու հազար հոգի, որոնցից 200-ը՝ ձիավոր: Նրանցից 1000-ն ուղարկվում է Ոստանի, իսկ 800-ը՝ Առնիս և 200-ը՝ Բերկրի՝ Սավալի դիրքերը պաշտպանելու համար:

Սպայական կազմը համարելու նպատակով բացվում են ենթասպաների չորսամսյա դասընթացներ, որոնց ավարտից հետո 30 ենթասպա ընդգրկվեցին գնդերի հրամանատարական կազմում:

Հայկական իշխանությունը միայն պաշտպանական գործողություններ չէ, որ կատարում էր: 1918 թ. փետրվարին Վանա լճով, երկու նավերով, կազմակերպվում է հարձակում Ալջավազի վրա: Միաժամանակ իրականացվում է ցամաքային հեծելազորային հարձակում: Կարճատև մարտից հետո թուրքերը լքում են Ալջավազը: Համատեղ գործո-դությամբ՝ ցամաքից և լճից, փետրվարի 13-ին, փորձ արվեց ազատագրել Ախլաթը: Թշնամու ուժեղ դիմադրությունը հնարավորություն չտվեց իրականացնել մտադրությունը:

Վանը և նահանգը պաշտպանող հայկական ուժերը սակավ էին, ուստի Կ. Համբարձումյանը խնդրում է ուղարկել գեթ 100 զինվոր՝ «փոխարինելու համար պօստեն և պարենաւորման կայաններէն հեռացող զինւորներուն...»²⁰: Բնքնին հասկանալի է, որ անհրաժեշտ էր մոբիլիզացնել առկա բոլոր ուժերը: Առաջին հերթին պետք էր կապ հաստատել Հաքյարիի շրջանում գործող ասորական զինված կազմավորումների հետ:

1917 թ. մարտի 18-ին Վանից ստացված տեղեկության համաձայն, Պարսկաստանից բերվել էր անհրաժեշտ քանակությամբ սննդամթերք: Կովկասի Հայոց բարեգործական ընկերությունը սկսում է գյուղացիներին սերմացու բաժանել: Միաժամանակ նշվում է, որ լայն տարածում էին գտել գողությունները, հատկապես այլուրի: Այսպես, թալանվել է Այգեստանում գործող Համառուսաստանյան քաղաքների միության կովկասյան բաժանմունքի խանութը: Իսկ Խաչ-փողոցի փոխից հափշտակվել է մոտ 12 փութ այլուր: Բացի այդ, բանակի կարիքների համար

¹⁷ Վասպուրական, էջ 119: Դեպքերը Վասպուրականում (Հմ. Մանուկեանի յիշատակարանը) (Վէմ, Փարիզ, 1937, թիւ 2, էջ 75):

¹⁸ Դեպքերը Վասպուրականում (Հմ. Մանուկեանի յիշատակարանը) (Վէմ, Փարիզ, 1937, թիւ 2, էջ 75):

¹⁹ Նույն տեղում:

²⁰ Աշխատանք, 8.XI.1920, N 71:

գնվող խոտի և հարդի համար զինվորականները վճարել են նրա արժեքի միայն կեսը կամ քառորդը²¹:

Կողոպուտները դադարեցնելու նպատակով, Վանի իշխանությունները քաղաքը բաժանում են ոստիկանական չորս տեղամասերի: Միաժամանակ կազմակերպվում է հեծյալ և հետիոտն միլիցիա (աշխարհագոր) Հայոց ձորի, Թիմարի, Արճակի, Սարայի և Բերկրիի շրջաններում: Ցավոք, դրամական միջոցների և հատկապես զենքի սակավությունը հնարավորություն չի տալիս ավելացնել միլիցիոներների քանակը²²:

1917 թ. հուլիսի կեսերից քրդերը հարձակվում են Քոել և Հետթուկ գյուղերի վրա: Նրանց բնակիչները մարտերով նահանջում են Հայոց ձոր²³: 1918 թ. փետրվարին սկսվում է թուրքական լայնածավալ հարձակումը: Ճակատագրական նշանակություն է ունենում Կարինի գրավումը հակառակորդի կողմից: Արևելյան Հայաստանում ակտիվանում են կովկասյան թաթարները: Մարտին Վասպուրականում կատաղի մարտեր են մղվում թուրքական գերակշիռ ուժերի դեմ, մարտի 19-ին՝ Ոստանի ճակատում²⁴: Վիճակը օրեցօր ծանրանում է: Չկարողանալով դիմագրավել հակառակորդին՝ Վասպուրականի հայությունը հարկադրված բռնում է նահանջի ուղին: 1918 թ. մարտի 28-ին սկսվում է Վանի հայության նահանջը Արևելյան Հայաստան և Պարսկաստան: Հուլիսի 20-ին զոհվում է Կ. Համբարձումյանը²⁵:

Ստորև ներկայացվող փաստաթուղթը տպագրվում է առաջին անգամ՝ ուղղագրական և կետադրական որոշ շտկումներով, սակայն ոճը պահպանելով: Հրապարակումը վերնագրել ենք մենք: Բոլոր ընդգծումները փաստաթղթին են: Տողատակում արված դիտողությունները՝ նույնպես: Բնագիրը պահվում է Հայաստանի ազգային արխիվում:

ՄԱՀԱԿՑԱՆ Ռ. Օ.

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՀԱՐՎԱԾԱՅԻՆ ՀՐԱՉԳԱՅԻՆ 5-ԸՂ ԳՆԴԻ ՊՈՐՈՒՉԻԿ
ՏԻԳՐԱՆ ԺԱՄՀԱՐՅԱՆՑԻ ԶԵԿՈՒՑԱԳԻՐԸ ՎԱՆԻ ՎԵՐՁԻՆ ՆԱՀԱՆՁԻ
ԵՎ ԱՆԳԼԻՄԱԿԱՆ ՀՐԱՄԱՆԱՏԱՐՈՒԹՅԱՆ՝ ՀԱՅԵՐԻ ՆՎԱՏՄԱՄԲ
ՈՒՆԵՑԱԾ ՎԵՐԱԲԵՐՄՈՒՆՔԻ ՄԱՍԻՆ

N

21 июля 1919 г.

Тифлис

Еще в октябре месяце 1917 года в бытность генерала Силикова¹ начальником Ванского отряда, приказом по Кавказской армии, было разрешено сформировать 3-й

²¹ Արև, Բագու, 7.IV.1917, N 67:

²² Տե՛ս Արև, 24.V.1917, N 106:

²³ Արև, 30.VII.1917, N 157:

²⁴ Դէպքերը Վասպուրականում, 1937, թիւ 3, էջ 92:

²⁵ Սերգէյ Գորոդեցկիին հետևյալ կերպ է գնահատել Կ. Համբարձումյանին. «Հենց այդպիսի մարդիկ, ինչպիսին որ նա է, պետք են Հայաստանի վերածնման համար: ... Նա (Կ. Համբարձումյանը - Ս. Ռ.) գիտեր իր ժողովրդին և նրանցից յուրաքանչյուրի մեջ տեսնում էր եղբորը: Ինչ-որ բիրյիականություն-նահապետականություն կար նրա՝ մարդու հետ ունեցած հարաբերությունում»: Տե՛ս **Закарян А.** Армения и Армянский вопрос в публицистике Сергея Городецкого (Պատմա-բանասիրական հանդես», 2003, N 1, էջ 97):

* Թվագրումը տրվում է՝ հիմք ընդունելով փաստաթղթի վերջում կատարված նշումը: Աստղանիշով կատարված նշումները փաստաթղթին են:

батальон 5-го армянского стрелкового ударного полка путем призыва солдат из жителей Ванской области. Следствием этого приказа было то, что в согласии и при содействии Ванского областного комиссариата², а также и местных партийных и национальных организаций начались выборы и обучения всех военнообязанных в возрасте 18-25 лет. Но всему этому плану не суждено было сбыться, так как вскоре после этого вышел приказ о формировании отдельно так называемого 4-го Ванского полка. Как раз в этот период времени из Вана уехал генерал Силиков и в исполнение обязанности начальника отряда вступил командир 5-го Армянского полка полковник Пирумов³. В связи с распоряжением о формировании 4-го Ванского полка по всей Ванской области был объявлен всеобщий призыв в возрасте от 18-40 лет. Набор протекал весьма успешно, и военнообязанные охотно являлись на сборный пункт. Была сформирована учебная команда для подготовки унтер-офицерского кадра. В это время в Ванае были только 5 рот из 5-го Армянского полка, остальные же три роты находились в Соук-Су и Савали. Остатки 3-го пехотного пограничного полка покинули Ван. Малочисленный по своему составу 5-й Армянский полк был вынужден одновременно, защищая фронт, нести и внутреннюю службу. На помощь 5-му полку пришли вновь сформированные части 4-го Ванского полка. Этапы от Вана до Шербе-ка (по направлению Хоя) были заняты ванскими милиционерами, ими же была занята линия Ван-Савали. Частями же Ванско-го полка был занят оставленный русскими частями Арнис и Арджеш.

Кроме того вместе с одной ротой 5-го Армянского полка на Ванских позициях стояла рота 4-го Ванского полка. Общая работа кипела вовсю и казалось, что дело обороны Вана налаживалось.

19-го декабря (Ст[арый] стиль. В докладе все даты я буду приводить по старому стилю) полковник Пирумов уехал из Вана в разрешенный ему отпуск и в командование 5-ым Армянским полком, а также в обязанности начальника отряда вступил подполковник Погосян, человек совершенно безвольный, весьма слабохарактерный и бездарный в полном смысле этого слова, имеющий весьма незавидные понятия об обязанностях командира полка, а начальника отряда в особенности. С этого момента наступает резкий перелом в ходе общей нашей работы по обороне Вана.

* *Востанских ?*

21-го декабря почта, телеграф, искровая станция, батарея и хлебопекарня заявили, что они уходят из Вана. Благодаря неустанной работе комиссара Ванской области Константина Исаковича Амбарцумяна⁴, батарею удалось уговорить остаться, все же остальные учреждения немедленно привели в исполнение свое желание и числа 25-го декабря выступили из Вана и, конечно, в беспорядке. В связи с этими событиями в Ване создалось подавленное настроение. Все мрачно смотрели на будущее. В 5-м Армянском полку все чаще стали слышаться требования солдат о смене, об обещанном им отдыхе. 13 января 1918 года я с вверенной мне 7-ой ротой 5-го Армянского полка и с 1-й ротой 4-го Ванского полка выступил на Востан на смену 2-х рот 5-го Армянского полка, а 14-го января вступил в исполнение обязанностей начальника Востано-Дерт-Ханской обороны.

Требования солдат 5-го Армянского полка об отдыхе в конце концов вылились в определенную форму и в двадцатых числах января месяца 1918 года в Востане по адресу моей роты была получена телефонограмма за подписью четырех солдат, выбранных от рот. Из этой телефонограммы, а также из моих личных переговоров я узнал, что группа солдат нашего полка решила самовольно покинуть Ван и уйти “на отдых”. Телефонограммой, посланной на имя моей роты, уходящая группа приглашала и мою роту сняться самовольно с фронта и выступить в Ван для дальнейшего совместного движения на Кавказ. Содержание этой телефонограммы я немедленно сообщил всей роте и, высказав при этом свое мнение относительно такого изменческого шага, я объяснил солдатам, каковы могут быть последствия такого ухода. После моих объяснений рота единогласно постановила признать такой уход изменой общему делу и не присоединяться к уходящей группе, о чем мною немедленно было сообщено телефонограммой в Ван. Из остальных четырех рот уходящих самовольно оказалось 250 человек, которые 25 января, взяв с собой походную кухню, двуколки, патроны и лошадей, выступила из Вана. Тем временем команда солдат в 25 человек, при двух офицерах, верхами другой дорогой выехала из Вана, и 26 января между Ваном и Гелли они отрезали дорогу самовольно отходящей группе и предложили им сдать оружие и тогда уйти на все четыре стороны. Все ответили отказом, после чего по ним был открыт огонь. Потеряв из своего состава ранеными и убитыми человек 12, уходящая группа сдала оружие и двинулась далее. Первый батальон нашего полка [она]

остановила их в Савали, и из них была сформирована рабочая рота для очистки снега перевала между Соук-Су и Савали, но брожение в 5-м Армянском полку не прекратилось.

14 февраля 1918 года 5-я и 6-я роты 5-го Армянского полка сменили мою роту на Востоане. 1-я рота Ванского полка осталась без смены на Востоане. По прибытии в Ван я, командуя на законном основании 7-ой ротой 5-го Армянского полка, в то же время был назначен вр[еменным] ком[андиром] 2-го батальона того же полка.

Приблизительно в это время 1-ый батальон нашего полка, стоявший на Савалах, стал ежедневно предъявлять требования, чтобы мы оставили Ван и отступили бы в Савали. Подполковник Погосян сам ничего решительно не мог предпринять и очень скоро растерялся, но благодаря некоторым влиятельным офицерам он отдал приказ, запрещавший строго самовольный уход. Здесь интересно отметить следующий факт, имевший место во время одного собрания офицеров и солдат в этот период. На собрании обсуждался вопрос, покинуть ли Ван или нет? Во время горячих споров один из офицеров обратился со следующим категорическим вопросом к подполковнику Погосяну: “Господин полковник [подполковник], скажите наконец нам, будете Вы командовать полком или же Вами будут командовать другие? Мы требуем, чтобы Вы дали нам решительный ответ”. “Буду, буду”, - по детски испуганно пролепетал подполковник Погосян и тут же при всех сказал, что кто бы то не ушел, но штаб и имя полка останутся в Ване, но это были лишь слова, так как ровно через 11-12 дней, т. е. 6 марта тот же подполковник Погосян отдал приказ по полку об отходе из Вана. День отхода был назначен 7-го марта.

6-го же марта подполковник Погосян отдал приказ начальнику Ванской обороны поручику АЙВАЗЯНЦУ, чтобы он оставил бы позиции и вернулся в Ван для дальнейшего следования. Узнав о том, что 5-й Армянский полк готовится уходить, население массами приходило к нам и просило к[оманди]-ра полка, всех офицеров и солдат не бросать их на произвол судьбы, но никто на эти вопли не обращал внимания. Того [же] 6-го марта наши 2 роты 5-го Армянского полка ушли из Востоана, оставив там одну роту Ванского полка. В тот же день вечером Константин Исаевич Амбарцумян пригласил меня к себе и просил остаться, т. к. Ванский полк нуждался в офицерах. Я сейчас же изъявил свое согласие и в тот же день составил список офицеров и солдат, добровольно остающихся в Ване. Оставались следующие офицеры: автор настоящего доклада поручик Тигран

ДЖАМГАРЯНЦ, подпор[учик] МЕЛКУМЯНЦ, подпор[учик] Гаспарянц, прапорщики: Арменак ИОАНЕСЯНЦ, АБРАМЯНЦ, АХНАЗАРЯН и ХАЧИКЯН и подпор[учик] МИРАКЯН и еще 64 или 68 солдат. Все эти офицеры и солдаты твердо решили связать свою судьбу с судьбой Ванского народа.

7-го марта в 6 часов утра я получил краткую записку от Константина Амбарцумяна следующего содержания: “Дорогой Тигран, на Востоке начался бой, немедленно приходи в комиссариат, чтобы обсудить создавшееся положение. Костя”.

Я немедленно отправился туда и там застал Григора Булгарацци⁵ и Левона и Тиграна Багдасарова. Позвонив в Востан, я попросил к телефону командира роты Ванского полка, который передал мне следующее: “Бой продолжается, турки наступают силой до 300 человек, первая линия Востанской позиции занята ими, мы занимаем позицию по эту сторону проволочного ограждения. Ради Бога, пришлите подкрепление”.

Мне тут же было предложено выехать на Востан и принять оборону, причем было условлено, что на Востоке в течение 2-3 дней будет сосредоточен один батальон, командиром коего был назначен я. Вернувшись из управления Ванского комиссариата, явился к командиру полка подполковнику Погосяну и доложил ему, что в Востоке начался бой, и я еду туда. На это подполковник Погосян ответил мне следующее: “Это провокация, никакого там боя нет и они нарочно распространяют такие слухи, чтобы мы остались, но мы не останемся, и первый эшелон выступает сегодня, а второй эшелон выступит завтра”. С тяжелым чувством я вышел от него и, сев на лошадь, без всяких вещей, выехал с двумя конными солдатами на Востан. По прибытии в Ангх я встретил двух раненых, перевезенных из Востока. Расспросив у них обстановку, я сейчас же уехал далее и в 3 часа дня прибыл в Востан. Турки начали отходить. Узнав подробности боя, я заключил, что это была усиленная разведка. Отдав необходимые распоряжения о сторожевом охранении, я сейчас же сообщил обо всем Константину Амбарцумяну и подполковнику Погосяну, высказав при этом свое мнение относительно дальнейших наших действий. В это время первый эшелон 5-го Армянского полка уже достиг этапа Гелли и двигался далее. Подполковник Погосян по телефону спросил у меня: “А все-таки правда, что сегодня был бой? Мне что-то не верится, наша рота только вчера ушла оттуда и странное совпадение – сегодня

бой”. Я ответил, что турки действительно пытались наступать, но были отбиты и ушли, оставив на месте несколько трупов. Наши же потеряли одного убитого и двух раненых. “Ну, не знаю”,- был ответ подполк[овника] Погосяна.

В 5 часов утра 8 марта ко мне в землянку вбежал телефонист и доложил, что с позиций передают, что турки большими силами вновь повели наступление. В этот же день в моем распоряжении были 3 роты вверенного мне батальона и конная сотня Мурада. Конной сотне приказал немедленно занять заставу N 6 (гора Артос), 1-я и 2-я роты заняли позиции от берега озера до сел. Матноц, а 3-я рота осталась в резерве. В 6 часов начался бой, бой жестокий, беспощадный, не на жизнь, а на смерть. Троекратная яростная атака турок была нами отбита с большими для них потерями. Вверенный мне батальон дрался превосходно, с энтузиазмом. Люди умирали с песнями на устах. Наконец в 4 часа пополудни я лично повел контрнаступление, начав с правого фланга, и отдал приказание перейти в наступление по всему фронту. Не выдержав нашего дружного “ура”, турки в панике стали отступать. Мы их преследовали по направлению сел. Воркунис. Не доходя до Воркуниса, я вследствие позднего времени приказал остановиться, а затем мы отошли на свои позиции и заняли первую линию Востанских позиций, начиная с сел. Патаканц влево к горе Артос. На месте боя турки оставили массу трупов, винтовок, патронов и другую добычу. С этого дня наступило затишье на Востанских позициях до 19-го марта.

К этому времени обстановка была такова: в Востане стояли 4 роты (8 сотен) пехоты вверенного мне батальона, две сотни конницы и одна сотня безоружных, подносчиков патронов и других продуктов, винтовок для них не хватило. В Дерге стояла одна сотня пехоты, которая от себя ежедневно высылала разведку в Хане, где в это время был глубочайший снег. Далее в направлении на Хошаб в сел. Норгюх стояла конная сотня. Таково было положение на южном берегу Ванского озера. Теперь я вернусь к изложению общего положения на северном берегу озера. В начале февраля мы узнали о падении Кармунджа. Сам Амбарцумянц на катере ездил на разведку в Кармундж, где его обстреляли и катер вернулся обратно. Конная разведка, посланная по берегу, столкнулась у Адельдживаза с противником и после перестрелки с ним принуждена была отойти к Арджешу, т. к. с тыла угрожали курдские банды. Главные наши силы на северном берегу были расположены в Арнисе. Начальником Ар-

нисской обороны был назначен подпоручик ГАСПАРЯНЦ, ему же было поручено укрепление Арнисских позиций. В средних числах февраля подпоручик ГАСПАРЯНЦ доложил: “Арнис – неприступная скала, о которую разобьются турецкие полчища”.

19-го марта турки повели большими силами одновременно наступление на Востанские и Арнисские позиции. На Арнис наступало до двух тысяч турок, не считая курдов, при десяти орудиях и двенадцати пулеметах. На Востан наступало кроме курдов до 1500 турок при четырех орудиях и шести пулеметах. Неравный бой продолжался трое суток: днем и ночью. Мы были вынуждены ввести в бой все наличные силы и таким образом остались совершенно без резерва. Нами получались сведения, что на помощь нам движется из Игдыря отряд полковника БАГДАСАРОВА, и мы хотели во что бы то ни стало удержаться до его прибытия. Турецкая артиллерия непрерывно засыпала нас снарядами, у нас же не было артиллерии, а двух пулеметов, которыми мы располагали на Востане, было очень мало для такого фронта. 21-го марта в 6 часов вечера турки энергичной атакой, вдвое превосходящими нас силами при поддержке артиллерии и пулеметов взяли у нас первую линию окопов, и мы вынуждены были отойти на вторую оборонительную линию по эту сторону проволочных заграждений. В тот же день после ранения н[ачальни]-ка Арнисской обороны подпоручика ГАСПАРЯНЦА расстроились ряды Арнисских сил. В семь часов вечера я познакомил Григора БУЛГАРАЦИ с положением дел на Востане и узнал о положении Арниса. Затем Григор БУЛГАРАЦИ от имени Военного Совета приказал мне оставить Востан и отступить в Ангх, сообщив при этом, что жители Вана и окрестных сил уже эвакуировались.

В 11 часов вечера я отдал приказ по Востанской обороне об отходе на Ангх. По прибытии к утру 22 марта в Ангх я получил приказание от Григора БУЛГАРАЦИ отойти в Ван и далее, при этом БУЛГАРАЦИ прибавил, что он сам через несколько минут оставляет Ван, и просил меня торопиться [с] отходом, так как в Арнисе дела плохи и нужно поспешить перейти Бергри-Калинское ущелье. В 3 часа дня 22-го марта я прибыл в эвакуированный всеми Ван. Город горел: артиллерийский склад был подожжен, и то и дело раздавались громкие взрывы снарядов и патронов. Ночь с 22-го на 23-е я с батальоном провел в сел. Лезк, откуда 23-го марта на рассвете я двинулся далее в Гелли. По прибытии в Гелли я встретил идущих

назад беженцев. На мой вопрос – в чем дело, они сказали следующее: “Бергри-Кала занята уже турками, дорога отрезана, Григор БУЛГАРАЦИ и другие сказали, чтобы жители возвращались в селения, а все вооруженные и вообще мужчины пробивались, кто как может”. Я не поверил этому и решил, что это совсем излишняя паника. Выслав конную разведку в сторону Джаника, я задержал беженцев в Гелли до выяснения обстановки. Наконец мы из достоверных источников узнали, что дорога действительно отрезана и что Григор БУЛГАРАЦИ с несколькими конными по горам двинулся на Сарай (из Джаника). С ним пошел и К. АМБАРЦУМЯН, забрав с собой часть беженцев. Узнав обо всем этом, я другую часть беженцев направил из Гелли также на Сарай.

Впоследствии я узнал следующие подробности о знаменитой Джаникской панике: Григор БУЛГАРАЦИ говорил по телефону из Джаника с Бергри-Калой, со своей женой, которая сообщила, что в Бергри-Кале никого нет. Вдруг разговор оборвался и Бергри-Кала не стала более отвечать. Выслали из Джаника разведку, которая, вернувшись некоторое время спустя, донесла, что их с горы обстреляли, что ущелье уже занято противником. Об этом было объявлено народу, поднялась невообразимая паника, и тут-то выяснилось все малодушие прославленных героев. Никто не мог ничего ответить на вопрос беженцев, куда им деваться. Костя АМБАРЦУМЯН говорил мне, что во время суматохи, когда он стал отдавать распоряжения, Григор БУЛГАРАЦИ отозвал его на сторону и сказал: “Слушай, Костя, какое время сейчас думать о народе. Каждый сейчас должен думать о себе, давай уйдем и больше никаких [разговоров]”. “С этого момента я перестал его уважать”, – говорил Костя. В этот момент Григор Булгарацци очевидно совсем забыл, что в арьергарде вслед за бежанцами идет целый батальон, который, казалось, должен был быть в курсе дела. Григор БУЛГАРАЦИ уехал вместе с некоторыми ванскими общественными деятелями по горам в сторону Сарая и с этого же момента потерял всякий авторитет и доверие в народе, следствием чего было то, что по прибытии в Салмаст он был вовсе удален от дел и не вмешивался более ни в какое дело до конца. Костя АМБАРЦУМЯН отправился пешком, за неимением лошади, во главе беженцев также по горам в сторону Сарая. Часто после этого Костя в трогательных словах рассказывал о том, как один из беженцев, видя, что Костя идет пешком, снял с лошади свою жену и, приведя лошадь к Косте, убедительно просил его не отказать себя на

лошадь. Костя всегда с умилением вспоминал этот эпизод. Так двигались мы до Котура. По прибытии в Котур один из курдов по секрету передал нам, что известный курдский вождь Симко⁶, узнав об отходе из Вана, готовится напасть на нас в Котурском ущелье. Из Котура Костей было послано письмо персидскому губернатору в Хое, в котором говорилось, что по независящим от нас обстоятельствам мы вынуждены вступить в пределы Персии вместе с беженцами и просим не препятствовать. Не получив ответа на это письмо, мы через 2 дня выступили из Котура и направились в Салмаст. Впереди двигалась вооруженная сила под моей командой, причем моя задача заключалась в том, чтобы пробивать дорогу, если только окажется, что Симко действительно заградил нам путь отхода. Проходя этап Шербек, мы действительно столкнулись с бандами Симко. Завязалось сражение. К 12-ти часам дорога была открыта, и беженцы стали проходить иногда под сильным огнем курдов. Сражение продолжалось до вечера, пока не прошли все беженцы. В этот день из беженцев было убито и ранено до 150-ти человек, а солдат было убито и ранено до 60-ти человек. Наконец после долгих скитаний мы 29 марта пришли в Салмаст, где соединились с армянами и ассирийцами, которые располагали порядочной вооруженной силой при русских офицерах.

В районе Урмии и Салмаста обстановка была такова: существовал армяно-ассирийский отряд под названием “Особый Азербайджанский отряд”, начальником коего был полковник КУЗЬМИН, а начальником штаба – полковник ГОРЕЦКИЙ. По прибытии в Салмаст я с Ванским батальоном вошел в состав Особого Азербайджанского отряда. Здесь мы узнали следующие подробности: все ассирийцы и армяне района Салмаста и Урмии были вооружены. Существовали 3 ассирийских стрелковых батальона и так называемый 1 Азербайджанский армянский стрелковый батальон, сформированный из армян Урмийских и Сулдузских. Кроме того, 1 апреля, после нашего прибытия из Вана, нами было приступлено к формированию из армян Салмаста так называемого 2 Армянского Салмастского стрелкового батальона.

В средних числах февраля Мар-Шимун⁷ из Урмии прибыл в Салмаст и был приглашен в Кегнашаар [в гости] в части [так в документе] к курдскому вождю Симко, который после обильного угощения предательски убил Мар-Шимуна (2-го марта) и с ним вместе 75 человек из конной сотни его. На такой предательский акт

ассирийцы ответили наступлением на Кегнашаар, который после 3-х дневного боя пал и был разграблен и разрушен ассирийцами до основания. После этого ассирийцы повели наступление на постоянное местопребывание Симко – Чары-Калу (крепость Симко, южнее Дильмана). Здесь банды Симко были разбиты, и сам Симко еле спасся с некоторыми своими приближенными и убежал в сел. Вар (около Хоя). После смерти Мар-Шимуна ряды ассирийцев расстроились. Новый Мар-Шимун, возведенный в этот сан после нашего прихода из Вана в Салмаст, уже не имел такого влияния на свое племя и даже не пользовался особенным его доверием.

4-го апреля персы со стороны Тавриза и Хоя повели наступление на Салмаст силою до 3-х тысяч при одном орудии. Наступление это было направлено исключительно против ассирийцев, как говорили сами персы, так как они де ничего абсолютно не имеют против армян. В ночь с 4-го на 5-е апреля персы заняли гор. Дильман. Характерен следующий эпизод, имевший место утром 5-го апреля. В 6 часов утра этого дня 7 солдат Ванского батальона, не зная, что Дильман занят персами и курдами, подошли вплотную к воротам города, откуда выскочила группа персов и курдов и пленила их. Они были немедленно приведены к начальнику персидского отряда АРШАДУ, который расспросив их и узнав, что они все армяне, приказал немедленно вернуть им оружие и патроны и отпустить их. С утра 5-го апреля начался бой с персами. До 9-го апреля армяне воздерживались от активного выступления. 9-го апреля я получил приказание повести наступление с сел. Савра-Агреван на сел. Муханджик (севернее Дильмана). Другая наша правая колонна повела наступление на сел. Баргишлю, Кара Кишлаг по направлению к Евгневской пристани. Наступление было удачно: персы отступили, потеряв много убитыми и ранеными и оставив в руках наших единственное свое орудие (русское – старого образца). Оставшиеся в гор. Дильман персы были окружены и в ночь с 9-го на 10-е апреля подполковник КОНДРАТЬЕВ во главе 1-го Ассирийского батальона взял штурмом город, который вскоре после этого был разграблен ассирийцами и разрушен до основания, причем оставшихся жителей мы были вынуждены направить в сторону Тавриза.

После этого наступило затишье до прихода турок. В этот период времени наша разведка донесла, что в районе Ушунэ и Гейдарабата стали все чаще появляться банды курдов и турок. Против них был из Урмии послан отряд под начальством Генерального штаба

подполковника СИНЕЛЬНИКОВА. Отряд этот столкнулся с противником в районе Ушнуэ и, рассеяв их, вернулся в Урмию, так как преследовать разбитого противника ассирийцы особенно не любили. В конце апреля 1918 года мы узнали, что Хой уже занят турками. В то же время из Нагады (южнее Урмии) в Урмии было получено письмо от командира 22-го турецкого полка с требованием покориться туркам и сдать оружие, в противном случае он угрожал энергичным наступлением. Такое предложение турок нами было отвергнуто, т. к. мы заранее знали, чем может кончиться такая сдача.

2-го мая стало известно, что турки со стороны Гейдарабада продвигаются к Урмии. 3-го мая они подошли к реке Барандуз-чай и заняли сел. Бамбры (южнее Урмии в 25 верст). Пока представители ассирийцев и армян района Урмии вели переговоры с турками, в штабе отряда был уже выработан план контрнаступления. По выработанной диспозиции южный отряд турок, состоявший из 3-х полков и одной ударной роты, должен был быть совершенно окружен и уничтожен, но план этот не удался, потому что известный ассирийский вождь Ага-Петрос целиком не исполнил данной ему задачи (Справка: приказ по Особому Азербайджанскому отряду от 7-го или 8-го мая 1918 г.). Турки все-таки были разбиты наголову и отступили в панике. В этом бою нами было взято 12 пулеметов, до 700 пленных турок при 23 офицерах, причем ударная турецкая рота целиком попала в плен с командиром роты во главе. Кроме того, была взята масса патронов, в которых мы более нуждались, и масса другой добычи. Пока все это совершалось у нас на юге, не молчала [так в документе] и турецкая дивизия, занявшая севернее Салмаста район Хоя и Кара-тапы.

5-го мая турки большими силами повели наступление со стороны Хоя на Салмаст, причем 6-го мая утром все господствующие позиции, которые в 1915 году во время знаменитого Дильманского сражения⁸ были заняты войсками генерала НАЗАРБЕКОВА⁹ и на которых тем же самым генералом НАЗАРБЕКОВЫМ турки были разбиты наголову, были заняты турками, но и тут мы своими незначительными силами сумели дать отпор туркам.

Артиллерии и пулеметов у турок было достаточно. У нас же было всего 3 орудия (горных), и мы чувствовали большой недостаток в боевых припасах, так что каждый снаряд и патроны должны были тратить с расчетом.

7 мая одновременно с победой на юге мы одержали верх и на севере и преследовали разбитого противника за сел. Шекер-Язе (севернее Дильмана). В этих боях особенно отличились 1 Азербайджанский Армянский стрелковый батальон и Особый Ванский батальон. Эти батальоны неоднократно получали благодарность начальника отряда за свои сверхгеройские подвиги. Впоследствии у одного пленного турецкого офицера мы нашли турецкую диспозицию этого общего наступления, подписанную командующим южной турецкой армией Халил-пашой. Согласно этой диспозиции, Халил-паша предполагал, наступая одновременно с юга и с севера, разбить и уничтожить нас с нашими “бандами”, как выражался он. Адский план беспощадной резни не удался Халил-паше благодаря сверхгеройской устойчивости наших частей. После этого периода боев у нас было намерение дать маленький отдых уставшим солдатам и затем предпринять поход на Хой, взять город и восстановить связь с Джульфой и Кавказом. Для выполнения этой задачи начальником Салмастского отряда был назначен полковник Табурэ.

Тут важно упомянуть одно обстоятельство. Еще в апреле месяце через Тавризского русского консула была получена телеграмма на имя начальника Особого Азербайджанского отряда из штаба Кавказской армии с приказанием расформировать отряд и русским инструкторам вернуться на Кавказ. Тогда возник вопрос, как же вернуться, когда мы окружены со всех сторон, и наконец, если даже офицеры будут пропущены, то как же бросить на произвол судьбы национальные части и с ними вместе 80-ти тысячное христианское население. Учитывая все эти обстоятельства, нами было решено оставаться до открытия дороги. Часть русских офицеров и солдат – инструкторов во главе с Генерального штаба подполковником СИНЕЛЬНИКОВЫМ не согласились с этим решением и, выделившись в особую группу, собирались уходить, говоря, что персы их всегда пропустят. После долгих уговоров они согласились остаться и принять участие в подготовленном наступлении на Хой-Джульфю.

30-го мая все командиры отдельных частей были приглашены на военное совещание для выработки плана наступления и составления диспозиции. На этом совещании командир Ассирийской дружины Ага-Петрос заявил, что он располагает минимум 3-я тысячами штыков

(1200 пеших^{*} и 350 конных). Кроме того, должны были принять участие 2-й Армянский Салмастский стрелковый батальон, 1-й Ассирийский стрелковый батальон и 2-й Ассирийский батальон.

Приблизительно диспозиция была такова:

Правый участок: начальник участка – ассирийский вождь Ага-Петрос.

Дружина Ага Петроса – 300 штыков^{**}, 2-й Ассириск[ий] б[атальо]-н 250 шт[ыков]^{***}, одно орудие, один турецкий пулемет “Максима”, два пулемета “Кольта” и два французских пулемета “Шоша” (ручные). В ночь с 31-го мая на 1-е июня двинуться из Хантахты, занять перевал, что за горой “Боз-Дагом” и, выслав глубокий обход через Евгениевскую пристань, наступать далее на сел. Кара-Тап.

Средний участок: начальник участка – подполковник Синельников.

Особый Ванский батальон – 1200 штыков, Ванская конница – 350 человек, одно горное орудие, один пулемет “Кольта” и 3 пулемета “Шоша”. На рассвете 1-го июня выступили из селения Паяджук и, заняв высоту, что севернее сел. Юаргишлю^{****}, наступили далее на Кара-Тапинский перевал.

Левый участок: начальник участка – полковник Травин.

Первый Ассирийский стрелковый батальон – 700^{*****} штыков.

2-й Армянский Салмастский батальон – 700 штыков.

Кавказская конная сотня – 75 человек.

Два горных орудия, 5 ручных пулеметов “Шоша”.

На рассвете 1-го июня занять высоты севернее Муханджика, селения Сенемерик, Вардан, и высоты, что левее Вардана, и наступать на сел. Селяв-Ездилян.

Кроме того особая милиционная рота должна была занять Чары-Калу и дорогу от Кегнашаара на Башкалу для предупреждения всяких случайностей с тыла, со стороны Ханасура.

1-го июня мы имели частичный успех, но все-таки к вечеру мы не сумели занять всех тех пунктов, которые должны были занять. Против

^{*} 1800

^{**} 1800

^{***} (есаул Елкин)

^{****} 3000? Фактически 300 шт[ыков]

^{*****} (полк[овник] Кондратьев)

нас стояла вся 6-ая турецкая дивизия и часть 12-ой дивизии с восемью орудиями и 12 пулеметами. 2-го июня турки нажали на наш правый фланг и принудили Ага-Петроса отойти к горе Боз-Даг. Этим положение сильно ухудшилось. 3-го июня было дано приказание Ванскому батальону ночью атаковать противника, взять Кара-Тапинский перевал и, прорвав центр противника, развить успех к рассвету 4-го июня вправо и влево. Настроение солдат и офицеров было бодрое. Все готовились к решительной атаке, но вдруг в 9 часов вечера я получил письменное приказание от начальника среднего участка подполковника Синельникова отложить атаку, так как со стороны Ханасура обнаружено движение противника в наш тыл. Утром 4-го июня этот обход был ликвидирован нашим контрманевром, причем в наши руки досталась большая военная добыча. Считаю долгом упомянуть, что все эти дни и ночи К. АМБАРЦУМЯН ни на одну минуту не уходил с позиции и, сражаясь то там, то здесь, с винтовкой в руках, всех заражал своим весельем и поддерживал бодрое настроение в частях. К вечеру 4-го июня было заметно, что силы противника прибавляются, на рассвете уже 5-го июня турки открыли ураганный артиллерийский огонь из восьми полевых и из восьми горных орудий. В этот день по одному только участку Ванского батальона было выпущено до полторы тысячи снарядов. Артиллерия наша молчала, так как на четыре орудия оставалось 70 снарядов. И вот в полдень Ванский батальон под сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем ринулся в атаку. Красиво наступали ванцы: все были глубоко проникнуты идеей освобождения родного им народа от грозящей неиминуемой гибели. Стремительным натиском сел. Кеньяны было занято нами. Тогда же мы получили ужасные вести: на правом участке наши потерпели поражение, отряд Ага-Петроса рассеян и отступил к Хантахтам. Отступил к Хантахтам в то время, как наша средняя колонна была под Кара-Тапинским перевалом. Был отдан приказ об эвакуации населения в Урмию. Турки могли одним нажимом взять и Хантахты, и таким образом окружить нас тесным кольцом. Это обстоятельство принудило нас оставить сел. Кеньяны и отойти к исходным пунктам. Отошла и левая наша колонна к сел. Муханджик-Аян.

В 11 часов вечера 5-го июня, после того, как все население Салмаста эвакуировалось, мы оставили и эти позиции и отступили к

Паника, произведенная прапорщ[иком] Сограновым.

Хантахтам, для дальнейшего отступления на Урмию, расставшись таким образом навеки с мыслью когда-нибудь выбраться на Кавказ и вообще куда-нибудь. Турки преследовали нас до реки Назлу-чай, а затем внезапно приостановили наступление. Такое поведение их поставило нас в тупик, в чем было дело, мы не знали, о помощи с Кавказа мы не смели мечтать. Перейти самим в наступление мы не могли, так как люди все были изнеможены последними боями. Только через 10-11 дней все выяснилось: заблудившийся в горах около Хоя солдат из отряда генерала Андраника, скитаясь по горам, пробрался в Урмию и рассказал нам следующее: на Кавказе между турками и армянами заключено перемирие. Генерал Андраник, не желая признать этого перемирия, двинулся со своим отрядом на Хой и Дильман, чтобы соединившись с ассирийцами и армянами этого района, продолжать дальнейшие [действия] на соединение с англичанами. Вначале движение было удачное: Хой был занят Андраником¹⁰, но затем силы турок прибавились, и Андраник принужден был отойти. Взвод, в котором служил пробравшийся солдат, был отрезан от главных сил и рассеялся по горам. Несколько дней спустя пришли одновременно еще два солдата из того же взвода и сообщили нам то же самое. После такого известия, поразившего нас всех, думать о каком-либо движении на Кавказ было немыслимо, и все наши взоры невольно обратились на юг, в сторону англичан, о движении которых ходили самые разноречивые слухи.

Тут я забыл упомянуть очень важный факт: еще в конце апреля 1918 года из Тавриза через Шарифханэ приехала в Урмию персидская мирная делегация из представителей персидской Азербайджанской власти и партии демократов, с участием представителя партии “Дашнакцутюн” Чермака и Тавризского армянского епископа Нерсеса¹¹. Делегация приехала для восстановления дружеских отношений с персами, причем персы обещали дать нам из оставленных в Шарифханэ русских складов патроны и снаряды, а также выставить пятитысячный отряд для совместной борьбы с турками. В начале мая нами на пристани Гулманханэ был случайно пленен забравшийся туда из Шарифханэ русский катер с механиком (русским).

Вследствие усиления турецкого влияния на Хойский и Тавризский районы персы, очевидно, изменили свое намерение и не только не выставили обещанного отряда, но даже не дали столь нужных нам

боевых припасов. Вследствие недостатка в последних положение наше становилось критическим, мы рисковали в конце концов остаться в кольце турок без патронов. Тогда мы остановились на безумном решении: выслать катер с одной баржей и с 150 солдатами при одном орудии в Шарифханэ. Этому отряду было поручено внезапно бомбардировать с озера Шарифханэ, затем путем десанта занять пристань и артиллерийские склады и, взяв на баржу сколько будет возможно снарядов и патронов, уехать назад в Урмию. Выполнение этой задачи было поручено славному подъесаулу Прищепенко. План этот не удался, и все посланные погибли вместе с катером.

И так я буду продолжать далее: после нашего отхода из Салмаста в Урмию разбитые нами еще в мае части пятой турецкой дивизии вновь собрались и повели наступление со стороны Ушнуэ и Гейдарабада на Урмию, причем был момент, когда они заняли город Бент в 6 верстах от Урмии и начали даже бомбардировать окраины города, но в тот же день нашей энергичной атакой они были сбиты с этой горы, причем у турок нами было взято одно орудие и около 50 снарядов. Несмотря однако на это настроение в массе было незавидное, все мрачно смотрели в будущее, но вдруг неожиданное обстоятельство круто изменило всю обстановку: 25-го июня рано утром над городом высоко в небе показался аэроплан. Сначала мы думали, что аэроплан неприятельский и начали даже обстреливать его. Аэроплан стал спускаться все ниже и ниже, и мы заметили наконец союзный флаг и сейчас же прекратили стрельбу. Аэроплан плавно сел на землю за городом, и мы увидели выходявшего из него английского офицера. Радость всех была неимоверная: почти на руках его отнесли в город, где население встречало его восторженно. В городе на экстренном собрании Военного совета он сообщил нам весьма интересные сведения о продвижении английских войск в Месопотамии и Персии. Сам он вылетел из Мианэ и за два часа прибыл в Урмию.

После долгого совещания мы пришли к следующему соглашению: англичане через 15 дней будут в Саин-Кали, мы со своей стороны должны за это время пробиться на соединение с ними, где получим от них патроны (русские и французские), а также английские пулеметы и деньги, должны вернуться в Урмию и держаться там до прихода английских сил, а когда они придут – один Бог ведает. На другой день англичанин уехал [улетел], и мы вновь очутились лицом к лицу с нашей безотрадной действительностью, хотя все же начались сборы и приготовления к предстоящему походу. 28-го июня я выступил на

разведку в сторону Салмаста, по дороге меня остановила одна девочка-персиянка и спросила, кто мы такие. Я отвечаю, что мы турки. “Жаль, а то мне турецкий командир дал письмо и сказал, что если я сумею передать это письмо армянам, они дадут мне хлеба и денег”, - ответила она. Я немедленно стал уверять ее, что мы армяне, после чего она достала большой пакет и передала мне. Распечатав конверт, я достал штук 6 напечатанных на шапирографе бумаг одинакового содержания на армянском и турецком языках. На армянском языке было написано, что на состоявшейся в гор. Александрополе (Гюмри) конференции¹² между армянами и турками заключен мир, причем по просьбе Католикоса всех армян¹³ армянам в пределах Эриванской губернии на протяжении 12 тысяч квадратных верст дана автономия. Окончательные постоянные границы, впрочем, будут определены в будущем. Относительно ванских и урмийских беженцев сделано соответствующее распоряжение турецким начальником фронта о пропуске их в Армению. Внизу стояла следующая подпись “Тыра Гофоф” [так в документе].

На турецком же языке за подписью командира корпуса Али-Исхан-паши¹⁴ было написано: “Если армяне хотят пройти на Кавказ, то пусть по 50 человек являются в Хантахты сдавать оружие, после чего они будут направлены в Эривань, хотя едва ли таких плохих армян там примут. Али-Исхан-паша”.

Да, мы отлично знали, что Армении и не придется принимать нас, так как турки все равно не доведут.

На это письмо мы даже не сочли нужным ответить.

Со сборами в предстоящий поход на соединение с англичанами мы немного опоздали и сумели двинуться в наступление только 10-го июля 1918 года. Общее руководство операцией было поручено полковнику Горецкому, который отлично повел дело, и упорство южной группы турок было наконец сломлено. Ушнуэ, Нагада и Калапасава были заняты нашими частями, и был выделен особый конный отряд для движения на Саин-Калу, где нас ожидали англичане. В то же время наш северный фронт был занят одним батальоном ассирийцев и двумя ротами и конной сотней 1-го Армянского Азербайджанского стрелкового батальона.

17-го июля турки повели с севера наступление. В ночь с 17-го на 18-ое июля ассирийцы оставили фронт без всякого нажима со стороны противника и ушли, не предупредив даже армян. Об этом сама сестра

Мар-Шимуна, Мар-Сюрма сообщила по телефону в 12 часов ночи американскому консулу мистеру Шеду и в штаб отряда полковнику Табурэ, при чем присовокупила, что сделано уже распоряжение об эвакуации за ночь всего христианского населения, так как на другой день турки могут появиться и в Урмии. Узнав об этом, сейчас же были приняты меры к предупреждению армянского батальона, который благодаря предательскому уходу ассирийцев был на рассвете 18-го июля окружен у реки Назлу-чай и, пробиваясь, потерял почти половину своего состава. Население за ночь эвакуировалось: опять беженская волна двинулась по неведому пути. Эвакуировались и учреждения: штаб отряда, штабы отдельных частей и американское и русское консульства и миссии. Американский лазарет, [будучи] переполнен больными и ранеными, оставался со всеми докторами и служащими. Были взяты и пленные турки с нами. По дороге в Саин-калу банды турок и курдов напали у Караверанского моста на беженцев, хотя нападение это мы отразили скоро, но все-таки здесь погибло много беженцев.

20-го июля наши передовые части встретили англичан, но не в Саин-кале, как было условлено, а на 75-й версте далее сел. Тихан-Тапа. Англичане с нашими частями вернулись в Саин-калу, где и мы впервые увидели их 24-го июля, и этот день оказался самым роковым в нашей безотрадной жизни. В этот день мы потеряли лучшего поборника прав народных, лучшего сына несчастной, обездоленной армянской нации, лучшего его защитника, постоянно разделявшего с ней его радости и печали. Мы потеряли нашего лучшего советника, общего нашего любимца – Костю, Костю Амбарцумяна.

Будучи за Саин-калой с конной сотней Мурада, Костя двинулся с ним к показавшейся турецкой кавалерии, приняв их за англичан, так как в этом месте противника никак не ожидали, да и одеты они были как-то не по-турецки: чисто, в касках (энверках). Когда наша конная сотня подъехала вплотную к туркам, турецкий офицер спросил у наших по-турецки: “Вы кто такие, персы?”. “Нет, мы армяне”, – ответил один из наших всадников. На это турецкий офицер ответил командой: “Бейте, братцы” и выхватив шашку, первый удар нанес, Косте. Свалился наш любимец с лошади, обливаясь кровью. Завязалась рукопашная схватка с турками. Турецкий офицер, нанесший сабельный удар Косте, и с ним вместе 26 аскеров жизнью своей заплатили за Костю. Кроме сабельного удара Костя еще получил 3 пулевых раны в грудь. Наши под напором турок отступили, оставив Костю. Известие о его

смерти быстро разнеслось и глубоко опечалило всех. Все с мала до велика оплакивали любимца Костю. Быстро собралась конница и двинулась для спасения хотя бы трупа Кости и, придя на это место, мы увидели ужасное зрелище, от которого волосы стали дыбом. В узкой канаве лежал еле живой Костя, весь в крови. Увидев нас, он крикнул не своим голосом: “Ай, подойдите, помогите ... [в документе]”. Мы бросились к нему и тогда он, собрав последние силы, спокойно сказал: “Я исполнил свой долг перед народом. Пусть каждый из вас также исполнит свой долг перед ним. Не оставляйте народ... [в документе]”. “Дайте воды... [в документе] Больно... [в документе] Перевезите раны”. Быстро сорвали мы свое нижнее белье и стали перевязывать его раны, после чего подняли и положили на близко стоящую арбу. Как только мы положили его на арбу, он испустил дух и душа его ушла в вечность. В Саин-калу мы привезли его бездыханный труп и похоронили его в маленькой роще, у города, после в глубокой печали двинулись далее по направлению к Хамадану, куда двинулись и беженцы.

В Саин-кале же наши части фактически перестали существовать, так как за отсутствием хлеба и других продуктов мы не имели возможности держать их в сборе, так как в этом случае их нужно было кормить.

По прибытии в Бидлар я обратился к начальнику гарнизона, английскому капитану и просил его дать мне, как командиру Армянского батальона, возможность собрать вновь батальон, для чего я просил отпустить мне хлеба и других продуктов. В ответ на это начальник гарнизона выдал мне 2 1/2 пуда муки и приказал мне немедленно двинуться далее в Хамадан, где по его словам и должны быть собраны все части. Мы двинулись далее. Не доезжая верст 15 до Хамадана, в сел. Тазякенд мне доложили, что англичане обезоруживают всех наших офицеров и солдат. Я счел нужным сейчас же выехать в Хамадан – узнать в чем дело, явиться в английский штаб и доложить обо всем английскому командованию. Со мной поехали командир 2-ой роты моего батальона Арсен Григорянц, 3 моих ординарца и еще человек пять офицеров из ассирийских батальонов (шт[абс]-капитан Саркисов, подпоручик Васильев, прапорщики Бабаев, Иоаннисян и другие). Верстах в трех нас остановила английская застава, которая заявила, что до приезда какого-то капитана они не могут пропустить нас в город. Мы стали ждать

капитана, который пришел минут через 25. Объяснив ему через переводчика цель своей поездки, я просил его пропустить меня, на что он ответил обещанием пропустить. В это время приехал на автомобиле начальник английских сил Хамаданского района полковник Брикенс и, узнав, кто мы такие и цель нашу, обещал пропустить в город и переговорить с нами. Затем, подойдя к начальнику заставы, английскому капитану, он что-то шепнул ему, после чего тот рассыпал в цепь позади нас один взвод солдат и повернул затем их лицом к нам. За этой процедурой последовало суровое требование полковника Брикенса: “Немедленно сдать оружие”. У меня был отобран револьвер системы “Браунинг”, карабин и шашка. После всего этого нас повели в Хамадан, где продержав нас несколько дней под надзором, освободили наконец, допросив конечно предварительно. Допрос производил сам полковник Брикенс. Задавал он нам следующие вопросы: “Почему Ваша часть разбрелась?”, на что ответил: “Потому, что не было у нас хлеба после соединения с Вами”. Желаете ли Вы теперь драться против турок?”. Этот вопрос в особенности бесил всех. На это один офицер ответил следующей фразой: “Армянский народ вечно дрался с турками за свое освобождение. Я лично дерусь против них уже 4 года, несмотря на перенесенные мною физические страдания, я все же готов еще больше сражаться против них, если со стороны англичан будет оказано нам содействие”.

Итак, всех офицеров и солдат нашего отряда англичане постепенно разоружили.

Должен сказать, что после нашего прибытия у персов прибавилось массы оружия, так как наши “Маузеры” англичане отбирали у нас и перепродавали персам. Немало было продано и самими солдатами. Спустя несколько дней англичане начали из беженцев набирать всех военнообязанных. Мы вновь были призваны к делу и оказали большую услугу в наборе прежнего состава наших частей. Англичане потребовали у армян всего 1500 солдат, а у ассирийцев – 3500-4000.

Обращение англичан с солдатами и беженцами было самое жестокое, бесчеловечное. За малейшую провинность солдат били розгами до полусмерти. Беженцы не пропускались в город и из сел. Тазакенд отправлялись далее на Багдад в сел. Бакуба (в 25 верстах от Багдада). Я лично видел, как по приказанию английского коменданта английские солдаты палками били группу беженцев, женщин и детей, прогоняя их из селения на Багдад. Никакие мольбы и вопли беженцев не помогали, хотя беженцы просили самое ничтожное: дать им

немного отдохнуть. При виде всего этого сердца наши обливались кровью. Мы грудью нашей спасли народ и привели их из Вана в Хамадан к союзникам и здесь-то они обречены на гибель, а солдаты, перенесшие столько мук, получали взамен благодарности розги. На наши протесты никто не обращал внимания, а английский майор Найт сказал прямо нашему врачу Карселяну, что англичане смотрят на нас так же, как на своих индусов. При таких условиях служить нам – офицерам у англичан было невозможно, и потому, когда они предложили русским офицерам выехать либо во Владивосток, либо в Красноводск, мы тоже воспользовались этим предложением, и я, в числе других выбрав Красноводск, был отправлен ими на Энзели. Об обращении англичан с нами и с нашими беженцами, впрочем, я буду писать особо, более пространно¹⁵.

Нашим офицерам англичане никаких денег не дали, о чем полковник Кузьмин доносил уже рапортом в военный штаб Армении.

Поручик [Тигран] Джемгарянц [подпись]

Отметки: “N 73”. “Военно-историческая комиссия в Тифлисе”. “21/VII. 1919”. “Ген[ерал] м[айор] Силиков”.

НАА, ф. 1267, оп. 2, д. 96, лл. 1-10. Подлинник. Машинопись.

ԾԱՆՈԹԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

1. Միլիկով Մոխեյ Բարայի (Միլիկյան Մոխսես, 1862-1937) - հայ (ազգությամբ՝ ուղի) ռազմական գործիչ, գեներալ-լեյտենանտ: Առաջին համաշխարհային պատերազմի ժամանակ՝ ռուս-թուրքական ռազմաճակատում Կովկասյան 8-րդ հրաձգային գնդի հրամանատար, 1916 թ. փետրվարին՝ Կարին (Էրզրում) քաղաքի պարետ, 1916-1917 թթ.՝ Վանի ջոկատի պետ, 1918 թ.՝ Հայկական 2-րդ դիվիզիայի հրամանատար, 1918 թ. մայիսին՝ Երևանյան ջոկատի պետ, ապա՝ Հայկական դիվիզիայի հրամանատար, 1920 թ.՝ Նոր Բայազետի նահանգապետ: Հմ. Մանուկյանի բնութագրմամբ՝ «Գեներալը (Մ. Բ. Միլիկովը – Ս. Ռ.) շատ ազնիւ, հայրենասէր, վերին աստիճանի հոգատար հայ մըն է, որ հազիւ հայերէն կը հասկնայ: Ան իր բոլոր միջոցներով օժանդակեց մեզ՝ տալով հրացան, ուտեստ և ամէն հնարաւորութիւններ, որպէսզի մենք տեղական հայ զունդերը առաջացնենք եւ ճակատի պաշտպանութիւնը ստանձնենք՝ յոյս չդնելով ռուս զօրքի վրա, որ արդէն քայքայւեր է եւ տուն կը փախչի» (Դէպքերը Վասպուրականում, էջ 74):

2. 1917 թ. հոկտեմբերյան հեղաշրջումից հետո կազմակերպվում է Վանի երկրամասային կոմիսարիատը, որը նաև կոչվում էր Վասպուրականի հայկական իշխանություն: Այն գլխավորում էր Կոստանդին Համբարձումյանը:

3. Բեկ-Փիրումով Պավել (Բեկ-Փիրումյան Պողոս, 1856-1921) - զինվորական գործիչ, գեներալ-մայոր, 1918 թ. մայիսի 24-ից 27-ը՝ Սարդարապատի ճակատամարտի մասնակից՝ 5-րդ հրաձգային գնդի հրամանատար:

4. Համբարձումյան Կոստանդին (Կոստյա, Վասպուրականի Կոստի, Ուխտավոր, 1882-1918) - ազգային-ազատագրական շարժման գործիչ: Կանավորական շարժման մասնակից (Հայկական V կանավորական խմբում՝ տնտեսական մասի վարիչ): 1915 թ. մայիս-հուլիս ամիսներին ընդգրկվել է Վանի ժամանակավոր վարչության

կազմում: 1917 թ. աշնանը ռուսական գործերի՝ Վանից հեռանալուց հետո նշանակվել է Վասպուրականի հայկական իշխանության ղեկավար:

5. Բուլղարացի Գրիգոր (Քրոզյան Գրիգոր) - ազատագրական շարժման գործիչ: 1915 թ.՝ Վանի Այգեստան թաղամասի ինքնապաշտպանության մարմնի անդամ: 1917 թ. կազմված Վասպուրականի հայկական իշխանությունում զբաղեցրել է զինվորական գործերի վարիչի պաշտոնը:

6. Միսկոյին ռուսական հրամանատարությունը փորձում էր օգտագործել հակառակորդի դեմ պայքարում: Միսկոն, սակայն, «չարդարացրեց» ռուսների հույսերը: Նա միացավ թուրքերին և կովեց ռուսների դեմ: Ցեղապետը մի քանի անգամ «մեղալականով» եկավ ռուսների մոտ և, որքան էլ զարմանալի է, կախաղանի փոխարեն արժանացավ ադրբեջանական ջոկատի հրամանատար, զեներալ Ֆ. Չեռնոզուբովի ներողամիտ վերաբերմունքին (տե՛ս ՀԱԱ, ֆ. 45, ց. 1, գ. 1, թ. 22 շրջ., 25: Ի վերջո, նա կալանվում է, սակայն կարողանում է փախչել Մակու, որտեղ ավազակախումբ է կազմակերպում և հարձակումներ գործում ոչ միայն հայ, ասորի, այլև մահմեդական բնակչության վրա: Սպանվել է 1930 թ. հունիսի 18-ին իրանական բանակի դեմ մղված կռիվում:

7. Մար Շիմուն XIX Բենիամին (այլ տեղեկության համաձայն՝ XXI), 1887-1918 - 1903 թ. մարտի 16-ից Արևելքի ասորական (նեստորական) եկեղեցու կաթողիկոս-պատրիարք: Ռուսական իշխանությունների հովանավորությամբ կազմակերպել է ասորական կամավորական խմբեր: 1916 թ. ամռանը կար ասորական երկու դրուժինա, յուրաքանչյուրում՝ հազար հոգի: Ասորի մարտիկները զինված էին ֆրանսիական «Սեթիլ» հրացաններով: Նրանց հանձնարարված էր Հաքյարին ազատել քրդական ավազակային հարձակումներից (տե՛ս Արև, Բագու, 21.VIII.1916, N 124): Սակայն 1917 թ. մարտին ասորական ստորաբաժանումներն անսպասելիորեն լուծարվում են (Արև, Բագու, 7.IV.1917, N 69):

8. 1915 թ. ապրիլի 15-ից մինչև 18-ը Հյուսիսային Պարսկաստանի Դիլ ման քաղաքի շրջանում զեներալ Ֆ. Նազարբեկովի՝ Կովկասյան 2-րդ հրաձգային բրիգադի (8 գումարտակ, 12 հարյուրյակ և 12 թնդանոթ) և Խալիլ բեյի 5-րդ հետևակային հավաքական դիվիզիայի (10-12 գումարտակ, 12 թնդանոթ և մոտ 6 հազար քրդական անկանոն ջոկատներ) միջև տեղի ունեցավ ճակատամարտ: Հիմնական մարտական գործողությունը մղվում է ապրիլի 18-ին: Խալիլ բեյի նպատակն էր Դիլմանի մոտ ջախջախել ռուսներին և շարժվել Ջուլֆա, ապա համալրելով իր դիվիզիան ի հաշիվ տեղի մահմեդական բնակչության՝ ներխուժել Ջանգեզուր-Ղարաբաղ, Ելիզավետպոլի ու Բաքվի նահանգները: Իսկ ռազմաքաղաքական բարենպաստ պայմանների դեպքում Խալիլն արշավելու էր Դաղստան, որպեսզի Կովկասի մահմեդական ապստամբ բնակչության աջակցությամբ, երկրամասն անջատեր ռուսական կայսրությունից: Հակառակորդը ճակատամարտում ծանր պարտություն է կրում: Աչքի է ընկնում Հայ կամավորական I խումբը՝ Անդրանիկի հրամանատարությամբ: Նրանց զբաղեցրած դիրքերը Դիլմանի բանալին էին: Գեներալ Ֆ. Նազարբեկովի վկայությամբ՝ «Դրուժինիկները ստիպված էին մի քանի անգամ ձեռնամարտի բռնվել հակառակորդի հետ: Մուսբատի (Մմբատ Բորոյան - Ս. Ռ.) էներգիայի և անվեհերության շնորհիվ, հակառակորդի բոլոր սրբնթաց հարձակումներն ապարդյուն անցան, և դրանից հետո հակառակորդը դադարեցրեց հարձակումը և նահանջեց» (ՀԱԱ, ֆ. 45, ց. 1, գ. 2, թ. 27 շրջ.-28): Թուրքերը կորցնում են մոտ երկու հազար սպանված, իսկ ռուսները՝ մոտ 600 սպանված և 800 վիրավոր (ՀԱԱ, ֆ. 45, ց. 1, գ. 2, թ. 42- 42 շրջ.): Կամավորներից զոհվեցին 21 և վիրավորվեցին 55 հոգի: Սպանվածների թվում էր վաշտի հրամանատարի օգնական Մաթեոս Լոպասյանը: Վիրա-

վորվել էին Սմբատը, Էրրորդ վաշտի հրամանատար Արտաշես Սուճյանը և տեր Վարդան քահանան: Գեներալ Ֆ. Նազարբեկովը պարգևատրվում է Գեորգիյան 4-րդ աստիճանի խաչով:

9. Նազարբեկով Ֆոմա Բվանի (Նազարբեկյան Թովմաս Հովհաննեսի, 1855-1931) - գեներալ լեյտենանտ: Պատերազմի սկզբում Կովկասյան 2-րդ հրաձգային բրիգադի, ապա՝ դիվիզիայի պետ: 1917-1918 թթ. ղեկավարել է Հայկական կորպուսի կազմակերպումը և մարտական գործողությունները թուրքական զորքերի դեմ: Եղել է Հայաստանի Հանրապետության զորքերի հրամանատարը, 1919 թ.՝ զինվորական խորհրդի նախագահ:

10. Անդրանիկ (Օզանյան, 1868-1927) – հայ ազգային-ազատագրական պայքարի նշանավոր գործիչ: Առաջին համաշխարհային պատերազմի ժամանակ՝ ռուս-թուրքական ռազմաճակատում Հայկական I կամավորական խմբի հրամանատար: 1918 թ. հունվարին նշանակվել է Հայկական բանակային կորպուսի դիվիզիայի հրամանատար: Նույն ամսին նրան շնորհվել է ռուսական բանակի գեներալ-մայորի կոչում:

11. Ներսես արքեպիսկոպոս Մելիք-Թանգյան (1866-1948) - 1912- 1947 թթ. Ատրպատականի, իսկ 1917 թվականից՝ նաև Վասպուրականի թեմի հոգևոր առաջնորդ: Առաջին համաշխարհային պատերազմի տարիներին զգալի գործունեություն է ծավալել հայ գաղթականությանը օգնություն ցուցաբերելու համար: Գիտական ուսումնասիրությունների հեղինակ:

12. Հավանարար շվոթում է 1918 թ. հունիսի 4-ին Բաթումում կնքված պայմանագիրը:

13. Գևորգ Ե Սուրենյանց (Տփղիսեցի) - Ամենայն հայոց կաթողիկոս, 1911-1930 թթ.:

14. Ալի Բհսան փաշա - թուրք զորահրամանատար, 1918 թ. թուրքական 6-րդ բանակի հրամանատար:

15. Բրիտանական հրամանատարությունը հայերի մի մասին, որոնք ցանկություն էին հայտնել ծառայել բրիտանական բանակում, ուղարկում է³³ Մինա քաղաքը: 1918 թ. աշնանը նրանք տեղափոխվում են Քերմանշահ, ապա Բակուբա (Բրաք)³⁴: Անգլիացիները վանեցիներից կազմում են հայկական ստորաբաժանում, որը կոչում են «Վան-ռայֆլ»՝ «Վանի հրաձիգներ»: Կար նաև վանեցիների հեծելավաշտը՝ կազմված 300 հայերից³⁵: Նրանց թվում էր Վահրամ Թերզիբաշյանը: Նրան շնորհվել էր բրիտանական բանակի կրտսեր լեյտենանտի կոչում և թարգմանչի պաշտոն: Բնչպես նշում է Լ. Շիրինյանը, Պարսկաստանում անգլիացիների հիմնական նպատակն էր պաշտպանել Աբադանի նավթավերամշակման շինությունները: Տեղում իրենց ուժերը լրացնելու նպատակով, անգլիացիները 1917 թ. մարտի 25-ին, պարսկական կառավարության համաձայնությամբ, կազմակերպում են հարավիրանյան հրաձիգների կորպուսը (South Persia Rifles): Վերջինիս «կորիզը» կազմում էին հայերը: Հրանտ Փաստերմաճյանի կարծիքով, կորպուսը թուրք-գերմանական ուժերի ռոնդգություններից պաշտպանեց կենսական նշանակություն ունեցող նավթային շրջանը (տե՛ս Շիրինյան Լ., Հայ զինական ուժը Առաջին աշխարհամարտի վերջնափուլում, Ե., 2010, էջ 45-47):

³³ ՀԱԱ, ֆ. 1191, ց. 3, գ. 1656, թ. 18.:

³⁴ Նույն տեղում, թ. 18 շրջ.:

³⁵ ՀԱԱ, ֆ. 1191, ց. 3, գ. 1656, թ. 32.: